

детельствует о весьма слабом влиянии эвенкийских шаманов на хозяйственную и общественную жизнь общества; чаще всего шаманы выполняли функции знахарей, а не служителей культа.

Говоря о шаманстве, автор настойчиво упоминает о роде, об участии рода в различных религиозных церемониях. У читателя создается впечатление, что эвенки еще недавно жили классическим родовым строем с родовыми празднествами и другими атрибутами. В это также трудно поверить, учитывая расплывчатое состояние эвенкийских родов в условиях кочевого образа жизни, да и вообще свойственное патриархату заметное ослабление самостоятельного значения родовой организации, экономическое обособление семей. Как известно, сородичи у эвенков собирались все вместе обычно только на так называемых сугланах («ярмарках») — в местах, согласованных с русской администрацией, куда они прибывали для сдачи ясака, торговли и других целей. Кроме того, задолго до Великой Октябрьской социалистической революции родовая организация эвенков распалась, уступив место объединениям на территориально-соседской основе, и А. Ф. Анисимов, без сомнения, знает об этом. Наконец, автор полностью игнорирует такое важное событие в жизни сибирских народов, как крещение их, проведенное православной церковью в XVIII—XIX вв., и борьбу церкви с шаманством, что не могло не отразиться на общественном сознании коренного населения.

Картина, которую нарисовал автор, изображая идеологию эвенков в прошлом, правдоподобна в том отношении, что описанные явления имели место у различных или у всех групп эвенков, и не соответствует действительности, поскольку частные, разрозненные явления приведены им в стройную систему, которой на самом деле не существовало. Иначе говоря, в книге нашла отражение сконструированная автором, а не реальная, объективно существовавшая картина. Этому, несомненно, в значительной степени способствовало то, что автор основывался главным образом на материалах фольклора, собранных им самим, и не использовал имеющихся по данному вопросу архивных и литературных источников.

В целом книгу все же можно характеризовать как полезную: она довольно верно трактует вопросы возникновения и развития различных анимистических верований. Недостатками книги являются ее схематизм, недостаточно убедительная аргументация некоторых положений, отсутствие исторического подхода к изложению материала.

Книга написана тяжелым, перегруженным специальной терминологией языком и читается с трудом.

В. А. Туголуков

Кавказский этнографический сборник, II. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XLVI, М, 1958, 275 стр.

Более трех лет назад вышел из печати первый выпуск Кавказского этнографического сборника, вызвавший весьма положительные отклики. Изданный теперь второй выпуск этого сборника безусловно будет встречен советским читателем столь же положительно.

Сборник открывается обстоятельной статьей С. Ш. Гаджиевой «Каякентские кумыки». Автор — природная кумычка — с большим знанием дела описывает старый и новый быт своего народа. Обладая большой наблюдательностью, С. Ш. Гаджиева создала хороший этнографический очерк кумыков, безусловно лучший из известных в литературе.

Давая общую положительную оценку работе Гаджиевой, отметим и некоторые недостатки.

Когда С. Ш. Гаджиева говорит о старом быте, то сплошь и рядом у читателя исчезает историческая перспектива. Необходимые хронологические указания обычно подмечены маловыразительными «раньше», «прежде», «в прошлом» и т. д. Свой рассказ о каякентской группе кумыков автор часто дополняет материалами о кумыках вообще, и переход этот не всегда уловим для читателя. Например, на стр. 14 упоминается канал имени Октябрьской революции без указания на то, что он не проходит по территории каякентских кумыков.

Вряд ли правильно утверждение автора, будто накануне Великой Октябрьской социалистической революции у кумыков «господствующим был феодальный способ производства» (стр. 6) Не следует забывать, что у кумыков, как и у многих других народов Северного Кавказа, накануне Октябрьской революции феодальные отношения тесно переплетались, с одной стороны, с патриархальными, а с другой — с капиталистическими.

Встречаются иногда противоречия. Так, на стр. 56 говорится: «В прошлом при гостях-мужчинах женщина должна была только готовить. ...В настоящее время этот обычай совершенно исчез. Все члены семьи едят теперь совместно, за одним столом. Однако в некоторых семьях женщины по-прежнему принимают пищу отдельно, если в доме присутствуют посторонние мужчины». Спрашивается: можно ли говорить, что этот вредный обычай исчез «совершенно»? На стр. 45 сказано, что «прежде большинство женщин носили зимой ту же одежду, что и летом. О пальто вообще не имели понятия»,

и на стр. 49 узнаем, что и теперь «пальто, за исключением школьниц и женщин-инженеров, почти никто не носит».

Автор утверждает, что «при разделении труда между женщинами и мужчинами в колхозных бригадах исходят из целесообразности использования мужчин на более тяжелых работах, в то время как прежде основные работы выполняли женщины. Из овцеводческие и коневодческие фермы в настоящее время почти целиком обслуживают мужчины, а уход за птицей и за молодняком, доение коров, переработка молока являются делом женщин» (стр. 16—17). Можно подумать, что раньше у кумыков чабаны, табунщиками и конюхами работали женщины, а мужчины доили коров и ухаживали за птицей.

Описание «чутку» (женского головного убора у кумыков) сопровождается следующим заявлением: «В годы шамилевского режима женщины стали тщательно прятать волосы под чутку» (стр. 46). Но известно, что власть Шамиля не распространялась на территорию кумыков. Говоря о привозных тканях, автор без ссылки на источники прибавляет: «Еще в XV в. русские купцы торговали ими на территории равнинного Дагестана» (стр. 38). С. Ш. Гаджиева, очевидно, допустила ошибку, так как в источниках об этом ничего не говорится.

С большим интересом читается статья М. В. Покровского «Адыгейские племена конца XVIII — первой половине XIX века». Значение этой работы в том, что она дает четкую характеристику общественных отношений, существовавших в Адыгее в указанное время; в частности, автором обращено особое внимание на расслоение так называемых «тфокотлей», часть которых (старшины) постепенно шла по пути превращения в феодальную знать, а другая, большая, часть закрепощалась. Из работы М. В. Покровского мы впервые узнаем об «институте старожильства» (стр. 124) как об одной из форм пополнения кадров адыгейских крепостных. Автор дает глубокий анализ землевладения и землепользования в адыгейской общине, которую он убедительно и обоснованно считает к разряду не родовых, а сельских. Нельзя не согласиться с его выводом, что «феодальная собственность на землю уже, несомненно, существовала у черкесов в рассматриваемое время, но в скрытой форме. Она была опутана пережитками родового общества» (стр. 121). Большой интерес представляют страницы, относящиеся к Бзырской битве, к отсутствию вассалитета у адыгейцев, к путям комплектования адыгейских крепостных, хозяйству, торговле и делению адыгейских племен на «аристократические» и «демократические». Выводы, сделанные на основании этого анализа, и большая эрудиция автора заставляют признать настоящую работу М. В. Покровского вместе с недавно изданной его книгой («Русско-адыгейские торговые связи», Майск, 1957), крупным вкладом в изучение истории адыгейского народа.

Однако и в статье М. В. Покровского имеется ряд неточностей. На стр. 112 сказано, что адыгейское «племя» делилось на хаблы, каждый из которых состоял из сумм сельских общин — «псухо». Это неверно. Хабль (хьябл) — название не объединенных сельских общин, а мелких территориальных групп усадеб, из которых состояла сельская община, — примерно то же, что в дагестанских селениях именуется «мехле» и переводится обычно словом «квартал». При разбросанном типе поселения в горах Адыгеи нередко встречались сельские общины, территория которых совпадала с ущельем одной какой-либо реки. В этом случае адыгейский термин «псухо» (правильнее псыхуэ), означающий «река», допустимо было распространить на сельскую общину. Но в адыгейском и кабардинском языках существовало особое слово для обозначения сельской общины, именно «кьуадж» (кабардинское кьуажьэ). В дальнейшем, с наложением усадебного принципа расселения адыгов и созданием укрупненных населенных пунктов, термин этот в Адыгее потерял свой смысл, а в Кабарде стал синонимом слова «селение». Что касается термина «хьябл» (кабардинское «хьяблэ»), то он в Адыгее стал обозначать и селение, и квартал, а в Кабарде — только «квартал».

М. В. Покровский пишет, что «несколько родов, которые отделились от общины, составляли братство, или тлеух» (стр. 114). Это неправильно. В первой половине XIX в. адыгейские тлеухи (описанные Белем, Люлье и Васильковым) не были кровнородственными объединениями. Это были преимущественно военные союзы неродственных фамилий, которые для укрепления связей между собой вступали в искусственное родство путем массового обряда усыновления (см. об этом обряде у Василькова).

Последняя работа сборника — вторая часть исследования проф. М. О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» (первая часть опубликована в «Кавказском этнографическом сборнике», I, М., 1955). Она включает весьма существенные дополнения к первой части (доведенной до 1850-х годов) и самостоятельное исследование по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке 1860—1870-х годов. Труд М. О. Косвена является также ценным справочным пособием. Особое внимание уделено автором исследованию этапов изучения социального строя народов Кавказа.

Очень трудно дать всестороннюю оценку грандиозной по замыслу работе М. О. Косвена. Чтобы собрать биографические сведения об огромном числе зачастую малоизвестных или совсем забытых исследователей, об их работах, напечатанных в многочисленных периодических и неперіодических изданиях, а также о работах, по разным причинам не увидевших света, автору пришлось проделать поистине титанический труд, на который может решиться лишь тот ученый, который накопил огром-

ные знания, а главное — по-настоящему любит свое дело. Имя М. О. Косвена широко известно советскому и зарубежному читателю как имя крупного историка первоначально общества и столь же крупного кавказоведа. Можно сказать, что его «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» станут настольной книгой для многих поколений кавказоведов. Пожелаем, чтобы автор скорее издал уже подготовленное им окончание этого ценного исследования.

В работе имеются некоторые упущения, но они неизбежны при таком широком охвате материала. Принятый автором принцип отбора сочинений, содержащих только этнографические материалы, весьма условен, так как трудно бывает определить, где кончается этнография и начинается экономика, история, археология или лингвистика. Условность принятого автором принципа нередко чувствуется при чтении этой работы.

Второй выпуск «Кавказского этнографического сборника» — безусловно удачная и полезная для советского читателя книга. Желательно, чтобы в дальнейшем не было столь длительных задержек в издании следующих выпусков этой серии.

Отметим, наконец, следующее непонятное обстоятельство. Первый выпуск «Кавказского этнографического сборника» был напечатан тиражом в 2000 экземпляров и очень быстро полностью был распродан. Второй выпуск издан тиражом в 1200 экземпляров. Таким образом, 800 обладателей первого выпуска лишены возможности приобрести второй выпуск этого крайне нужного пособия.

Л. И. Лавров

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ О ТИБЕТЕ И ТИБЕТЦАХ

В 1954—1958 гг. в разных странах было издано несколько альбомов, посвященных Тибету. До последнего времени иллюстрированных изданий об этой далекой и до сих пор малоизученной стране не было, а иллюстративный материал в книгах о Тибете никогда не занимал большого места¹. Авторы данных альбомов — в основном участники научных экспедиций, фотокорреспонденты и кинооператоры. Эти издания дают непосредственное и конкретное представление о стране, ее населении, архитектуре ее городов и деревень, в них отражены важнейшие события в жизни Тибета последних лет.

В 1954 г. в Китае был издан альбом «Тибет»². Введение и текст «Соглашения о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» даны на китайском и тибетском языках. Иллюстративная часть альбома состоит из нескольких разделов, каждый из которых открывается небольшим вступлением. Основная цель альбома — отразить в иллюстрациях мирное освобождение Тибета, то новое, что внесло оно в жизнь тибетского народа после его воссоединения с братской семьей народов Китая. Эта цель составителями альбома достигнута. В иллюстрациях отображена жизнь Тибета последних лет. На фотоснимках запечатлены моменты дружеской встречи населением вступающих в Тибет частей Народно-Освободительной армии Китая. Совместный труд тибетцев и китайских солдат на полях земледельцев, на работах по подъему целинных земель, на строительстве новых сооружений также достаточно полно отражен в альбоме. На фотоснимках мы видим китайских воинов, беседующих с местным населением, китайцев, изучающих тибетский язык.

Нашла отражение в альбоме жизнь тибетского народа — прием больных в лхасской народной больнице, сценки из школьной жизни Лхасы, строительство новых домов в городе. Многие иллюстрации этого раздела интересны в этнографическом отношении: на них запечатлены современная одежда и прически тибетцев различных районов, процесс кустарного производства ковров в Гьянцзе, традиционном центре этого ремесла, работа тибетских ткачей и т. п. Интересны снимки широко известных в Тибете монастырей, играющих значительную роль в его жизни, — Брайбуна, Сэры, Галдана, Дашийхлунбо, а также общий вид города Гьянцзе.

Таким образом, в альбоме «Тибет» отображены главным образом мирное освобождение Тибета, первые шаги тибетского народа на пути экономического и культурного строительства и дружба китайского и тибетского народов.

С этнографической точки зрения большой интерес представляет альбом «Путь в Лхасу»³, составленный двумя чешскими кинооператорами — В. Сисом и Й. Ванишем. Авторы находились в Тибете с 1953 по 1955 г. и вместе с китайскими кинооператорами работали там над созданием фильма о Тибете. В большом предисловии к альбому авторы в эмоциональных тонах повествуют о своем путешествии по Сикан-Тибетскому

¹ В русской литературе одни из первых фотографий Лхасы дал О. М. Норзунов в работе «Лхаса и главные монастыри Тибета в фотографиях» (см. «Изв. Русского географического общества», т. XXXIX, вып. I—V, 1903, стр. 219—227).

² «Сицзан хуацзи», Пекин, 1954, 139 стр.

³ V. Sis, J. Vaníš, Der Weg nach Lhasa, Prag, 1956, 55 стр. + 223 илл.